

УДК 930.9:327

ББК 63.3(0)5-6

Северные регионы России в описании фламандского рыцаря де Ланноа: «немосковская» идентичность*

В.Н. Козулин

Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

Northern Regions of Russia as Described by the Flemish Knight de Lannoy: "Non-Muscovite" Identity

V.N. Kozulin

Altai State University (Barnaul, Russia)

В статье рассматривается уникальное в своем роде произведение Россики — первое в Западной Европе подробное описание северных русских регионов — Новгородской и Псковской республик, написанное очевидцем. Мемуары фламандского рыцаря, в которых содержится это описание, известны давно и неоднократно исследовались. Но в контексте региональной имагологии России они рассматриваются впервые. Актуальность проблемы также связана с важностью для имагологии и истории межкультурного взаимодействия изучения франкоязычной Россики, которая еще недостаточно исследована.

Мемуары ценны тем, что представляют собой единственное сочинение, где описываются эти края еще до их вхождения в состав Московского княжества, таким образом, «немосковская» идентичность их населения отчетливо видна. Несмотря на значительное сходство регионов по культуре и общественно-политическому устройству, наблюдательный рыцарь подмечает и специфику каждого из них в отдельности.

Ставится вопрос о том, что «московская идентичность» была вторичной и отнюдь не единственной в описаниях «русского характера» и государства в европейской Россики, а в самых ранних источниках описывается как раз иная альтернативная идентичность, по-видимому, особенно актуальная для северных регионов и более близкая к европейской, чем «московская». Делается также вывод о необходимости привлечения большего внимания к историческому опыту этих регионов в преподавании истории и формировании исторической памяти современных россиян.

Ключевые слова: образ регионов, национальный образ, региональная имагология, региональная идентичность, франко-русские связи, Новгород, Псков, Гильбер де Ланноа.

DOI: 10.14258/izvasu(2021)6-10

The article deals with a unique work of Rossica, the first in Western Europe detailed description of the northern Russian regions of Novgorod and Pskov, written by an eyewitness. Memoirs of the Flemish knight, which contain this description, have been known for a long time and have been repeatedly researched. But in the context of the regional imagology of Russia they are considered for the first time. The relevance of the problem is also related to the importance of the study of francophone Rossica, which has not yet been sufficiently studied, for imagology and the history of intercultural interaction.

The memoirs are valuable because they represent the only work describing these regions even before they were part of the Muscovite principality, and thus the "non-Muscovite" identity of their population is clearly visible. Despite considerable cultural and socio-political similarities between the regions, the observer knight notes well the specificity of each of them separately.

The question is raised that the "muscovite identity" was secondary and by no means the only one in the descriptions of the "Russian character" and Russian state in European Rossica, and that the earliest sources describe just a different alternative identity, apparently especially relevant for the northern regions and closer to the European than to the "Muscovite" identity. It is also concluded that it is necessary to attract more attention to the historical experience of these regions in the teaching of history and in the formation of the historical memory of contemporary Russians.

Key words: image of regions, national image, regional imagology, regional identity, Franco-Russian relations, Novgorod, Pskov, Guillebert de Lannoy.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 21-011-31118.

В современной имагологии (направлении, специализирующемся на изучении образов народов и стран в литературной традиции) не так много исследований образов отдельных регионов. В значительной степени это касается изучения допетровской России (литературы, написанной иностранцами о России). Очень давно, в первой половине прошлого века, был издан сборник текстов о Сибири, написанных западноевропейскими путешественниками и писателями XIII—XVII вв. [1], а из новых работ можно упомянуть лишь одну статью, посвященную описанию англичанами Вологодского края, в которой исследуется большей частью лингвистический аспект [2]. Между тем изучение особенностей описания и восприятия иностранцами регионов России представляет интерес не только для имагологии, но и для лучшего понимания особенностей отечественной истории, разнообразия ее региональных вариантов развития, особых, «немосковских» идентичностей, которые существовали в средневековой истории русских земель.

Отечественная исследовательница И.И. Любименко выделяла четыре этапа в «открытии» и описании Российского (Московского) государства европейцами. На протяжении трех из них, по ее мнению, ведущая роль принадлежала какой-либо одной нации (вначале итальянцам, затем – австриякам, наконец англичанам), а с XVII в. начинается эпоха «активного сотрудничества различных народов» в этом деле [3, р. 39]. Сама И.И. Любименко занималась большей частью изучением «английского этапа», который она датировала 1553–1600 гг. Вообще, вклад англичан в открытие Московии и английская Россия допетровского времени довольно подробно исследованы в историографии. Гораздо менее изучен вклад французов и французская Россия. Отчасти это можно объяснить меньшим количеством источников. Тем не менее даже имеющихся источников хватило советскому ученому Г.Г. Жордани для написания двух толстых томов монографии на тему русско-французских связей в XVI — первой половине XVII в. [4]. Кроме этой самой значительной по объему работы существует немало других монографий и статей, посвященных исследованию русско-французских связей [5–14]. Меньше всего исследована французская Россия: специальных работ совсем немного [15–20], хотя эта тема затрагивается в общих работах по теме западноевропейской России [21–23].

Однако первое сочинение о русских землях на французском языке было написано раньше, чем на других европейских языках. Это путевой дневник фламандского рыцаря Гильбера де Ланноа, или Ланнуа (Lannoü), в 1413 г. посетившего Великий Новгород и Псков — очень интересное описание с точки зрения имагологии и истории формирования образа российских регионов.

Принято считать, что образ допетровской России во Франции был исключительно негативным: она представлялась неведомой варварской страной, грубым и варварским, соответственно, представлялся и ее народ. По словам известного французского историка А. Рамбо, современникам-французам Россия тех времен «казалась совсем не европейской страной... Московит имел совершенный вид турка — из-за своего костюма, длинных, не приталенных платьев, своей длинной бороды и пожизненно несменяемой прически на голове. Московия ничего общего не имела с Европой, кроме христианства, да и то эта форма христианства признавалась у нас схизматической и потому считалась тогда более низкой, почти что варварской» [24, р. V–X]. Автор бессмертного романа «Гаргантюа и Пантагрюэль» Франсуа Рабле ставил «москвитов» на одну доску с «безбожными турками, евреями, татарами, мамелюками и саррабовитами» [25, с. 513].

Однако рыцарь де Ланноа в своем сочинении слово описывает другую страну. Его восприятие русских, которых он наблюдал, совершенно не похоже на их традиционные описания в европейской России. Отчасти здесь дело в том, что регионы, которые посетил этот странствующий рыцарь, отличались особой, условно говоря «немосковской», идентичностью. С другой стороны, и сама так называемая «московская идентичность» в тот период, видимо, еще не сформировалась. Во всяком случае, ее первые подробные описания появляются только спустя век после Ланноа.

Идентичность в контексте настоящей статьи понимается как «особый культурный маркер относительно устойчивых областей социокультурного пространства и социально значимых ситуаций, позволяющий распознавать их как сходные» [26, с. 109]. Стоит напомнить, в чем состоит так называемая московская идентичность, почти неизменно описываемая иностранными наблюдателями в течение многих веков. Одним из первых подробных описаний этой идентичности явилось сочинение имперского посла в Россию Сигизмунда Герберштейна, изданное в середине XVI в., «Записки о Московии» [27]. Русские, жители Московии — «москвиты» — описывались в нем как несвободные люди, целиком и полностью зависимые от деспотичного государя. Так, уже при въезде в Москву, по словам Герберштейна, ему встретился дьяк (секретарь), с которого пот лился градом. На вопрос посла, почему он так вспотел, тот ответил: потому что «мы своему Государю служим совсем иначе, нежели вы своему» ([27, с. 256]; ср.: [28, с. 209]). В другом месте своего описания Московии Герберштейн более прямо говорит о нравах ее жителей-москвитов: «Все они называют себя холопами, то есть рабами государя... Этот народ находит больше удовольствия в рабстве, чем в свободе» [28, с. 112].

Герберштейну вторит английский посол Джильс Флетчер в своей книге «О государстве Русском», написанной на полстолетия позже: «Образ правления у них весьма похож на турецкий, которому они, по видимому, стараются подражать, сколько возможно по положению своей страны и по мере своих способностей в делах политических. Правление у них чисто тираническое: все его действия клонятся к пользе и выгодам одного царя и, сверх того, самым явным и варварским образом» [29, с. 43].

Наконец, мемуарист XVII в. Жак Маржерет, служивший в России на военной службе, довольно язвительно характеризует нравы русских (всенепрерывно входящие в стереотипный набор «московской идентичности»): «...они грубы и необразованы, без всякой учтивости, народ лживый, без веры, без закона, без совести...» [30, с. 182].

Примеры описания «московской идентичности» можно было бы продолжить, но не она служит предметом нашего исследования. В настоящей статье мы хотим показать, что первое в западно-европейской «литературе путешествий» описание русских, жителей будущей Московии, было как раз во многом противоположным этим характеристикам. Следовательно, «московская» идентичность появилась, была описана европейцами и стала неким стереотипом в восприятии русских и России как государства в последующие времена, сравнительно позже, а сначала существовала совсем другая идентичность, которой гораздо меньше уделяется внимания в литературе, о формировании самосознания и идентичности русского народа и даже в преподавании отечественной истории.

В статье мы постараемся раскрыть именно эту своеобразную альтернативную идентичность русского народа — как ее описывал фламандский путешественник Г. де Ланноа. О нем и его сочинении о России написано немало (см.: [31–52]). Если говорить кратко, Гильбер де Ланноа (1386–1462) был рыцарем из знатного рода Фландрии и Геннегау (современная Бельгия). Он посетил много стран Европы и Азии как дипломат и паломник, побывал в Египте, Сирии, Палестине, Испании и Восточной Европе.

В 1413 г., в период службы Тевтонскому ордену в Пруссии и Ливонии, рыцарь посетил соседнюю с этими землями русскую страну. Он покинул зимой Нарву, переодевшись купцом, и приехал в Великий Новгород на санях. Там он пробыл девять дней и был в восхищении по поводу того, как его встретили новгородские власти. Во время пребывания в Новгороде Гильбер де Ланноа гулял по городу и наблюдал повседневную жизнь его обитателей [31, с. 48].

Описание русских городов Новгорода и Пскова в мемуарах Ланноа гораздо более пространное, чем описания других мест, которые он когда-либо посещал. Он успел хорошо познакомиться с обыденной

жизнью жителей этих городов, многое в ней привлекло его живой интерес: и самый вид городов, и особенности управления, и население и его обычаи. Рыцарь был восхищен природой края: необычно суровой зимой, бесконечными лесами и болотами.

Несмотря на то, что два этих региона, казалось бы, в русской истории всегда были довольно близки и географически и по общественно-политическому устройству, Ланноа отмечает и значительные различия между ними, подтверждая тезис о большом региональном разнообразии русских земель. Великий Новгород (*la grant Noegarde*), по словам Ланноа, находится на равнине, посреди лесов и болот, на берегу реки Волхова (*Wolosco*), а Псков (*Plesco*) построен на слиянии двух рек. Стены Новгорода плохие, «сделанные из плетня и земли», в отличие от Пскова, который укреплен каменными стенами [47, р. 33, 47; 45, с. 24, 27], различаются также вооруженные силы. Ланноа утверждает, что «вооруженные силы всех господ Новгорода Великого составляют 40 тысяч конницы и без числа пехоты; они часто воюют с соседями, особенно с рыцарями Ливонии, и одерживали в прошлом победы во многих больших сражениях» [52, с. 78]. Вместе с тем, и Новгород и Псков показались ему одинаково большими городами [47, р. 32, 36; 45, с. 23, 27].

Что касается государственного устройства, то Ланноа сообщает следующее: «Новгород — это вольный город, он имеет общинное управление (*ville franche et seigneurie de commune*). Есть здесь епископ, который является как бы их владыкой... В этом городе проживает много великих господ (*grans seigneurs*), именуемых ими боярами (*Bayares*). И там есть такой горожанин, на диво богатый и могущественный, который обладает земельными владениями в двести лье длиной. И русские Великой Руси (*grant Russie*) не имеют других господ, кроме этих, [выбираемых] в свой черед по воле общины... Они имеют двух магистратов: тысяцкого (*duc*) и посадника (буквально: бургграф, *burchgrave*), которые являются правителями указанного города. Они сменяются ежегодно...» [53, с. 77–78]. Говоря «Великая Русь» (*la grant Russie*), Ланноа, по-видимому, переносит название Новгорода (*Noegarde la grant*) на всю северную, нелитовскую Русь (ср.: [46, с. 24, прим. 2]). Рыцарь остался очень доволен своим пребыванием в Новгороде. Он с восторгом пишет, что епископ присылал ему «каждый день добрых тридцать человек с хлебом, мясом, рыбой, сеном, овсом, пивом и медом», а когда он посетил «вышеупомянутых тысяцкого и посадника», они дали ему обед «самый необычный и самый удивительный из когда-либо виденных» [53, с. 78].

Любопытны и наблюдения де Ланноа о разнице во внешнем облике жителей Новгорода и Пскова. Он, например, заметил разницу в прическах горожан: в Новгороде мужчины и женщины отпускают

очень длинные волосы и при этом «у женщин волосы заплетены в две косы, спускающиеся сзади на спину, у мужчин — в одну косу». Во Пскове же русские «отпускают волосы длинные и беспорядочно лежащие на плечах. Женщины носят круглую диадему над головой, как святые» ([53, с. 78; 30, с. 50], ср.: [48, р. 34, 36–37]).

Таким образом, первые в западноевропейской литературе описания русских (жителей северных регионов, но относящихся к будущей территории России, а не Украины или Белоруссии) носили совершенно иной характер, чем ставшие традиционными и стереотипными описания более поздних времен. В мемуарах Ланноа представлен совсем не традиционный для европейской России образ средневековой Руси и русских. В них нет ни слова о деспотизме, пьянстве и невежестве — тех стереотипах, которые были свойственны России, как может показаться, испокон веков. Это был образ некой «иной Руси» — свободных русских земель, с развитым самоуправлением, которые являлись такими же вольными республиками, как многие развитые западноевропейские города. Новгородцы и псковичи характеризуются как свободные люди, пользующиеся значительным самоуправлением, в отличие от «московитов» (более поздних источников). Рыцарь де Ланноа застал и описал совсем иную, альтернативную жителям Московского княжества русскую идентичность, более близкую западноевропейской, чем московской. Этим и объясняется преобладание положительных оценок. Чем ближе описываемая культура к своей, тем позитивнее она обычно воспринимается. А культура новгородцев и псковичей вполне идентифицировалась с общеевропейской культурой, за исключением, правда, одного момента — разницы конфессий. И этот последний факт оставался все же единственной точкой конфронтации и поводом для негативных стереотипов. Де Ланноа, несмотря на все его хорошее отношение к жителям северных регионов России, подчеркивает эту разницу между «истинными христианами», к которым он, естественно, относил себя, и «схизматиками-русскими» [53, с. 77].

Справедливости ради следует отметить, что и описания самого Московского княжества и его

жителей в XV в., не содержали еще полного набора стереотипов, свойственных описаниям XVI и последующих веков. Это видно, например, по итальянским сочинениям конца XV в. (Иосафата Барбаро и Амброджо Контарини) [54]. Очевидно, в то время эта традиционная идентичность не сформировалась окончательно. Это, может быть, не совсем привычно звучит (потому что и в историографии существуют некоторые стереотипы), но в Московском княжестве вплоть до раннего правления Ивана Грозного существовали и довольно либеральные сословно-представительские традиции. Дмитрий Донской, например, перед смертью завещал своим сыновьям: «Слушайте бояр, без их воли ничего не делайте» [55, с. 29]. Судебник Ивана Грозного 1550 г. был в целом весьма прогрессивным, и при раннем Иване Грозном, как известно, активно действовали Боярская дума, и Избранная рада. В конце XV — начале XVI в. вообще бывали случаи, когда из Литвы люди бежали за свободой в Москву, а не наоборот. Неслучайно известный современный историк А.Л. Янов назвал период 1480—1560 гг. «европейским столетием России» [56].

Трудно сказать, почему уже в течение многих веков бытует миф об изначальной специфике русского менталитета, в значительной степени выражающегося в вышеописанной «московской идентичности». Причем иностранные описания часто используются как лишнее подтверждение этого мифа. На самом деле в истории все обстоит гораздо сложнее. Во всяком случае источники нам говорят, что первые представления о так называемом «русском характере» и русском государстве были как раз совершенно иными.

Сочинение рыцаря де Ланноа ценно еще и тем, что это первое более или менее подробное описание двух наиболее демократических русских регионов — в тот период, когда они еще сохраняли независимость и не были подчинены Москве. После Ланноа было немало иностранных описаний этих краев, но все они относятся уже ко времени утраты независимости обеими северно-русскими республиками и подчинения их Москве. Хотя память о былой свободе сохранялась. Это ярко отражено даже в сочинении Юхана Видекинда (XVII в.):

Много веков для людей был Новгород чуду подобен.
Мощью своей даже Рим был ему равен едва ль.
Властью, богатством гремя, знаменитый строеньем обширным.
Сильный в бою, процветал в торге с Европою он [57, с. 502].

В русской исторической памяти эта особая региональная идентичность европейского Севера России также сохранялась веками. После распада СССР, с появлением новой России, делались шаги в сторону усиления демократических начал в исторической памяти. Одним из этих шагов стало при-

нятие в 1999 г., по инициативе президента России Б.Н. Ельцина, Федерального закона «О переименовании города Новгорода — административного центра Новгородской области в город Великий Новгород».

Де Ланноа впервые зафиксировал, как сторонний наблюдатель, эту альтернативную идентичность жи-

телей северных регионов России, имевшую больше точек соприкосновения с общеевропейской (условно говоря) идентичностью, характерной для многих народов Западной, Центральной и отчасти Восточной Европы. Нам представляется важным, чтобы в исторической памяти современных россиян, в частности в преподавании истории в школе, больше места уделялось изучению этих альтернативных тенден-

ций развития русской истории, связанных с историей Новгородской и Псковской средневековых республик, а не только таким мастодонтом, как Александр Невский или Иван Грозный (к тому же трактуемых весьма стереотипно). И в связи с этим не последнюю роль играет живое и по большей части объективное описание этих регионов фламандским рыцарем де Ланноа.

Библиографический список

1. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей. XIII–XVII вв. / сост., ред. и коммент. М.П. Алексеева. 2-е изд. Иркутск, 1941.
2. Подоляк Ж.И., Гурченко Ю.А. Англоязычные описания Вологодского края в XVI–XVII в.: становление русскокультурных ксенонимов в английском языке // *Universum*. 2014. №12 (14).
3. Lubimenko I. Le rôle comparatif des différents peuples dans la découverte et la description de la Russie // *Revue de synthèse historique*. 1929. Т. 48.
4. Жордания Г.Г. Очерки из истории франко-русских отношений конца XVI и первой половины XVII вв. Ч. I–II. Тбилиси, 1959.
5. Безобразов П.В. О сношениях России с Францией. М., 1892.
6. Грюнвальд К. Франко-русские союзы. М., 1968.
7. Иконников В.С. Сношения России с Францией (XVI–XVIII вв.). Исторический очерк. Киев, 1893.
8. Мартенс Ф.Ф. Собрание трактатов и конвенций России с иностранными державами. Т. XIII: Трактаты с Францией. СПб., 1902.
9. Преображенский В.Д. Франко-русские отношения в XVI–XVII вв. Ч. I. Взаимоотношения Франции и России до начала дипломатических сношений между ними и первые русские посольства во Францию // *Ученые записки Ярославского гос. пед. ин-та*. 1945. Вып. VII.
10. Haumant É. La culture française en Russie (1700–1900). P., 1913.
11. Kirchner W. Le commencement des relations économiques entre la France et la Russie (1550–1650) // *Revue historique*. Т. CCII (1949).
12. Le Glay A. Origines historiques de l’alliance franco-russe. Première série. Depuis les origines jusqu’au traité d’Amsterdam (1717). P., 1897.
13. Mansuy A. Le Monde slave et les classiques français aux XVI–XVII siècles. P., 1912.
14. Seydoux M. Les ambassades russes à la cour de Louis XIV // *Cahiers du monde russe et soviétique*. Année 1968. Vol. 9. № 2.
15. Арутюнова Ж.М., Линькова Е.В. Россия глазами французских путешественников XV–XVIII вв. // *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия: История России. 2016. 15/1.
16. Виане Б. Путешествие Жана Соважа в Московию в 1586 году. Открытие Арктики французами в XVI веке / пер. с франц. А. Терещенко. М., 2017.
17. Козулин В.Н. Зарождение русско-французских отношений и первые представления русских о Франции (конец XVI — начало XVII в.) // *Известия Алтайского гос. ун-та*. 2016. №2. DOI: 10.14258/izvasu(2016)2-13.
18. Самотовинский Д.В. «Другой» между варварством и цивилизацией: москвиты во «Всеобщей истории мира» Франсуа де Бельфорэ (1570) // *Известия высших учебных заведений Серия: Гуманитарные науки*. 2013. №4/2.
19. Dunning Ch.S.L. Quand un Français redécouvrait la Russie // *Revue historique*. Т. CCLXXXII/2 (oct.–déc. 1984).
20. Козулин В.Н. Образ России и русских в сочинении Маржерета // *Известия Алтайского гос. ун-та*. Серия: Исторические науки и археология. 2017. № 5. DOI: 10.14258/izvasu(2017)5-24.
21. Аделунг Ф. Критико-литературное обозрение путешественников по России. М., 1864. Ч. II.
22. Алпатов М.А. Русская историческая мысль и Западная Европа (XII–XVII вв.). М., 1973.
23. Ключевский В.О. Сказания иностранцев о Московском государстве. М., 1866.
24. Recueil des instructions données aux ambassadeurs et ministres de France depuis les traités de Westphalie jusqu’à la Révolution française. VIII : Russie. T. I. Des origines jusqu’à 1748. P., 1890.
25. Рабле Ф. Гаргантюа и Пантагрюэль / пер. с фр. Н. Любимова. М., 1961.
26. Орлова Э.А. Концепции идентичности/идентификации в социально научном знании // *Вопросы социальной теории*. 2010. Т. IV.
27. Герберштейн С. Записки о Московии / пер. с нем. А.И. Малеина и А.В. Назаренко. М., 1988.
28. Отрывок из Герберштейнова путешествия // *Вестник Европы*. 1813. Ч. LXVII. № 3–4.
29. Проезжая по Московии (Россия XVI–XVII веков глазами дипломатов) / отв. ред. и автор вступ. статьи Н.М. Рогожин. М., 1991.

30. Маржерет Ж. Состояние Российской империи // Ж. Маржерет в документах и исследованиях (Тексты, комментарии, статьи) / под ред. А. Береловича, В.Д. Назарова, П.Ю. Уварова. М., 2007.
31. Мунд С. Описание Новгорода и Пскова в мемуарах *Voyages et ambassades* рыцаря Гильбера де Ланноа // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2002. № 7.
32. Козулин В.Н. Образ «Великой Руси» и русских в сочинении рыцаря Гильбера де Ланноа // Известия Алтайского гос. ун-та. Серия: Исторические науки и археология. 2017. № 2. DOI: 10.14258/izvasu(2017)2-29.
33. Elewyc E. van. Ghillebert de Lannoy, voyageur, diplomate et moraliste du XVe siècle // *Revue de Belgique*. T. 33 (1879).
34. Quarre-Reybourdon L. Vie et aventures de Ghillebert de Lannoy, chevalier lillois, au XVe siècle // *Bulletin de la Société de Géographie descriptive historique de Lille*. T. 14 (1890).
35. Каппелер А. Бургундский рыцарь в России (заметки об отчете Гильбера де Ланноа о поездках в Новгород и Псков в начале XV в. // *Источниковедение и краеведение в культуре России*. М., 2000.
36. Klimas P. Ghillebert de Lannoy in Medieval Lithuania. N.Y., 1945.
37. Halecki O. Gilbert de Lannoy and His Discovery of East Central Europe // *Bulletin of the Polish Institute of Arts and Sciences in America*. Vol. 2/2 (1944).
38. Holban M. Du caractère de l'ambassade de Ghillebert de Lannoy dans le nord et le sud-est de l'Europe en 1421 et de quelques incidents de son voyage // *Revue des études sud-est européennes*. T. 5 (1967).
39. Soloviev A.V. Le voyage demessire de Lannoy dans les Pays russes // *Orbis scriptus. Festschrift für Dmitrij Tschizewskij zum 70. Geburtstag*. München, 1966.
40. Rebas H. Die Reise des Ghillebert de Lannoy in den Ostseeraum 1413/14. Motive und Begleitumstände // *Hansische Geschichtsblätter*. Bd. 101 (1983).
41. Bertrand A. Les «Voyages et Ambassades» de Guillebert de Lannoy (1399–1450).
42. Bertrand A. Un seigneur bourguignon en Europe de l'Est: Guillebert de Lannoy (1386–1462) // *Le Moyen Âge. Revue d'Histoire et de Philologie*. T. 95 (1989).
43. Bertrand A. Guillebert de Lannoy (1386–1462). Ses «Voyages et Ambassades» en Europe de l'Est // *Publication du Centre européen d'études bourguignonnes (XIVe–XVIe s.). Rencontres de Middelbourg — Bergen-op-Zoom (27 au 30 sept.1990): «Les sources littéraires et leurs publics dans l'espace bourguignon (XIVe–XVIe s.)*. T. 31. Neuchâtel, 1991.
44. Mund S. Guillebert de Lannoy, un observateur fiable de la réalité russe au début du XVème siècle // *Hainaut et Tournais regards sur dix siècles d'histoire. Recueil d'études dédiées à la mémoire de Jacques Nazet (1944–1996)*. Bruxelles, 2000.
45. Путешествия Гилльбера де-Ланноа в восточные земли Европы в 1413–14 и 1421 годах / пер. и комм. В. Емельянова // *Киевские университетские известия*. 1873. № 8. Отд. 2.
46. Путешествие по Литве в XV веке Жильберта де Лянуа // *Вестник западной России*. 1867. № 7.
47. *Voyages et ambassades de messire Guillebert de Lannoy, 1399–1450*. Mons, 1840.
48. Potvin Ch., Houzeau J.-C., *Œuvres de Ghillebert de Lannoy, voyageur, diplomate et moraliste*. Louvain, 1878.
49. Савельев П.С. Очерк путешествия в прибалтийские страны, Великий Новгород и Псков, совершенного рыцарем Гильбертом де-Ланноа, в 1412–1414 годах // *Географические известия*. 1850. Январь–март.
50. Брун Ф.К. Путешествия и посольства господина Гильбера де Ланноа // *Записки Одесского общества истории и древностей*. Одесса, 1853. Т. III.
51. Новгород и Псков в начале XV в. (Гильбер де Ланноа). Литва и Украина в начале XV в. (по Гильберу де Ланноа) // *Хрестоматия по истории СССР: С древнейших времен до конца XV века / под ред. М. Н. Тихомирова*. М., 1960.
52. Великий Новгород в иностранных сочинениях XV — начала XX века / сост. Г.М. Коваленко. М., 2005.
53. Великая Русь рыцаря де Ланноа / пер. с фр. О.Ф. Кудрявцева // *Родина*. 2003. № 12.
54. Барбаро и Контарини о России. К истории итало-русских связей XV в. / вступ. ст., пер. и коммент. Е.Ч. Скржинской. Л., 1971.
55. Белов Е.А. Об историческом значении русского боярства до конца XVII века // *Журнал Министерства народного просвещения*. 1886. Январь–март.
56. Янов А. Л. Россия и Европа. 1462—1921. В трех книгах. Книга первая: Европейское столетие России. 1480–1560. М., 2008.
57. Видекинд Ю. История десятилетней шведско-моковитской войны. М., 2000.